

С. В. Иванов

О детских «амулетах» нанайцев

В этнографической литературе по нанайцам и другим народам нижнего Амура и о. Сахалин можно встретить описания предметов, применявшихся этими народами в XIX и начале XX в. при лечении и предупреждении детских болезней, а также с целью развить в детях те или иные способности и черты характера.¹ Подобные предметы, практика изготовления которых несомненно возникла в значительно более отдаленное время, имеются как в коллекциях советских музеев, в частности в Музее антропологии и этнографии АН СССР и Государственном музее этнографии народов СССР, так и в некоторых зарубежных музеях. Предметы этого рода в литературе и в музейных описях называются обычно амулетами² и тем самым попадают в число магических, но более пристальное изучение связанных с ними представлений позволяет высказать мысль об ином значении и иной природе этих предметов.

Изготавливались они из бересты, дерева, кожи и других материалов. К связкам детских амулетов нанайцы иногда присоединяли антропоморфные фигурки духов (*севон*), к помощи которых прибегали родители при серьезных заболеваниях детей.

Пользование детскими лечебными предметами (за ними мы пока оставляем название амулетов) и практика их изготовления порождались теми экономическими и социальными условиями, в которых находились нанайцы в XIX — начале XX в.

Застойный характер хозяйственной деятельности нанайцев, отсталая техника, низкий уровень культуры, отсутствие медицинской помощи населению, обращавшемуся за советами к шаманам, — все это способствовало сохранению ряда ошибочных представлений о природе и человеке, о враждебных или благожелательных существах, якобы окружавших человека, и т. п. Нанайцы — рыболовы и охотники — сохраняли элементы весьма древнего мироощущения, согласно которому жизнью, сознанием, волей наделялось все окружающее человека: небо и небесные светила, ветер, гром и молния, вода, земля, деревья, а также предметы, созданные самим человеком, — его жилище, орудия труда, утварь и т. п. Ориентироваться в этой сложной, созданной воображением человека обстановке было нелегко, тем более что ко всему этому примешивались и представления анимистического характера. В этих случаях предметы получали

¹ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933; Woldt A. Die Kultusgegenstände des Golden und Gilyaken. — In: Internat. Arch. für Ethnographie, Bd. I, Leiden, 1888; Липский А. Н. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. — Наука и школа, Чита, 1923, № 1; Diószegi V. Le principe thérapeutique des Goids. Budapest, 1947.

² Орлова Е. П. Амулеты гиляков. — В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.

как бы двойную жизнь: они воспринимались как живые сами по себе и как наделенные душой или духом — их хозяином. Все эти многочисленные, якобы сознательные и обладавшие вполне материальной природой существа могли, по представлениям нанайцев, вступать с человеком в те или иные отношения как по его желанию, так и по своей воле.

Современному исследователю нелегко поставить себя на место нанайца описываемого времени, проникнуться его мировоззрением, понять представления, унаследованные от предшествующих поколений. Не всегда легко в этих случаях разобраться и в поступках людей, в характере их умозаключений, выяснить, чего и почему они боятся, добраться до смысла предпринимаемых ими мер безопасности или приемов «лечения».

Иногда правильной ориентировке в этом древнем лабиринте мешают ссылки на магию, фетишизм или тотемизм, далеко не всегда способствующие раскрытию подлинной природы изучаемых явлений. Как мы увидим ниже, детские амулеты по своим особенностям не могут быть отнесены ни к одному из этих видов религиозных представлений и связанных с ними действий.

Различные существа, реальные или вымышленные, крупные и мелкие, опасные и неопасные, видимые и невидимые, полезные или вредные, населяли, по мнению нанайцев, небо и землю. Они окружали человека днем и ночью, среди природы и в его жилище и были не безразличны к нему, как и он к ним. Нападая друг на друга или на человека, они могли оказаться особенно опасными для детей, и родители должны были изыскивать средства для борьбы с ними. На помощь в этом случае приходил древний «опыт», с помощью которого, наряду с положительными знаниями и наблюдениями, передавались от поколения к поколению и ложные представления о природе, человеке и различных других существах. При этом далеко не все из этих представлений носили религиозный характер; многие были просто ошибочными, наивными, фантастическими. Но люди были убеждены в их истинности в такой же мере, как и в отношении данных непосредственного опыта.

Взгляды нанайцев на причины беспокойства, плача и болезни детей, как и на способы лечения болезней, недостаточно выяснены.

Один и тот же болезненный симптом мог быть вызван, по их мнению, различными причинами. Изготовленному в связи с этим изображению они придавали то форму животного, то человека, делали один или несколько предметов и т. д. Все это не давало возможности наметить какую-либо классификацию амулетов по их содержанию или форме.

В собраниях музеев имеется относительно небольшое количество детских амулетов. Одни из них предназначались, как уже говорилось, для лечения детей или для предохранения их от заболевания, другие способствовали прекращению плача и крика ребенка, его беспокойного состояния, третьи возвращали ему покинувшую его «душу». Важную роль в глазах родителей играли предметы, якобы развивавшие в ребенке те или иные способности, качества, ум и т. п. Таким образом, функции амулетов были довольно разнообразными.

Рассмотрим сначала предметы, устранявшие плач и крик ребенка. Его плач очень беспокоил родителей, предполагавших, что он чего-то боится. Если ребенка не удавалось успокоить, нанайцы обращались за помощью к некоторым антропоморфным или зооморфным существам. Нередко призывали в этих случаях некую старую горбатую женщину (*мукчури* или *мамари*), деревянную или берестяную фигурку которой подвешивали к колыбели (рис. 1, 1, 2). Одни видели в ней небожитель-

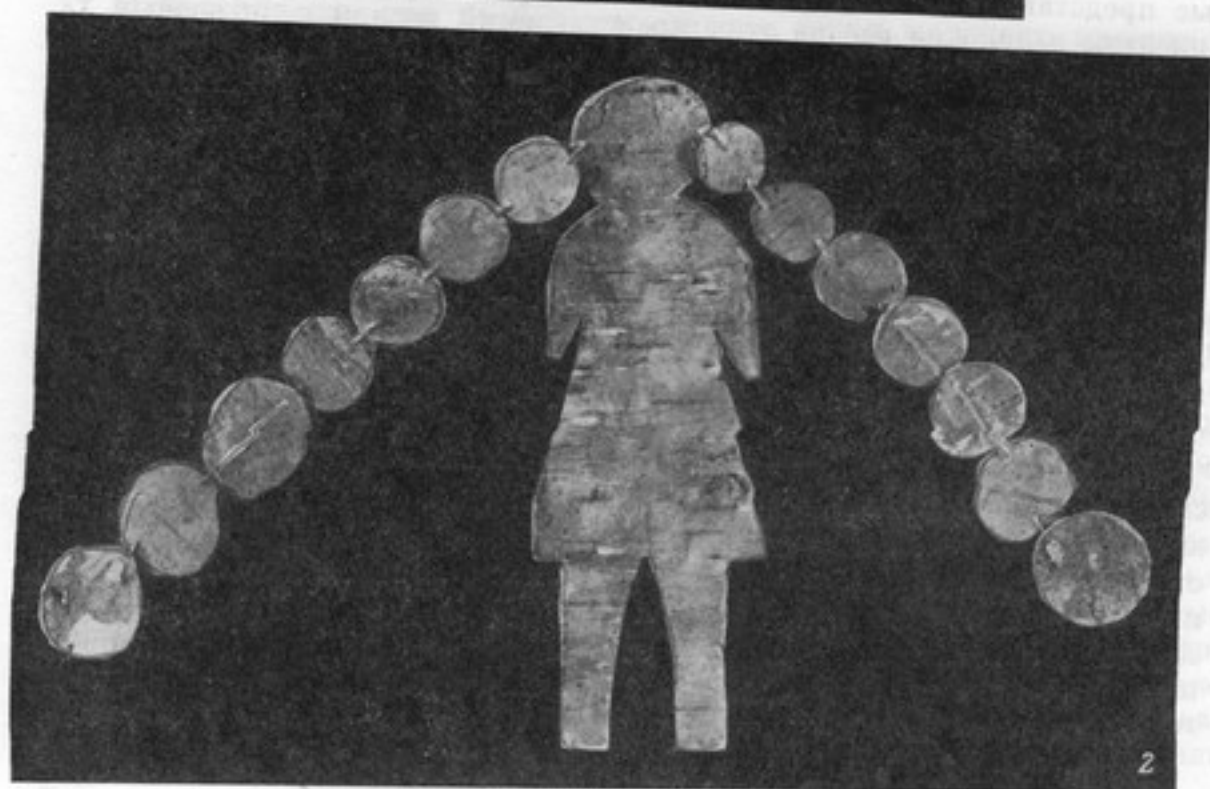
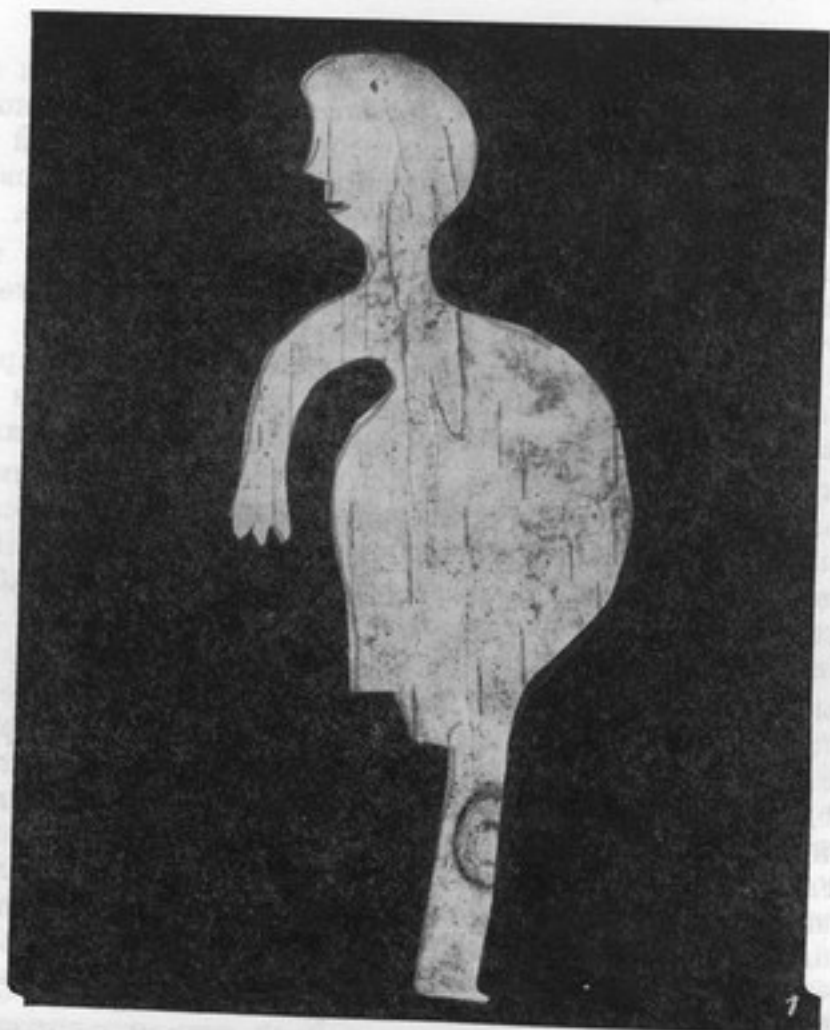


Рис. 1. Изображения старушек мукчури или мамари.

1 — береста, высота 13.5 см (МАЭ, колл. № 4424—368а); 2 — береста, высота 14.5 см (МАЭ, колл. № 5530—9).

ницу, другие — сородича бабушки ребенка.³ К голове этой фигурки прикрепляли берестяные кружочки. Они изображали старинные нанайские металлические серьги с нанизанными на них нефритовыми кружками. Считалось, что бабушка мамари успокаивала ребенка. Иногда к ее фигурке привязывали изображение деревянного человечка (*миа*), также небожителя, лишенного рук и ног. Половина лица его была окрашена в красный цвет. Предполагалось, что этот *миа* тоже успокаивал ребенка (МАЭ, опись колл. № 1765—66).

В других случаях, если ребенок не переставал плакать, особенно по вечерам, вырезывали из бересты изображение щуки. Родители думали, что ребенок плачет потому, что пугается пестроты тела этой рыбы и того шума, который она производит, заглатывая в воде мелкую рыбку (МАЭ, опись колл. № 5530—8). Но мог ли ребенок видеть и слышать то, что

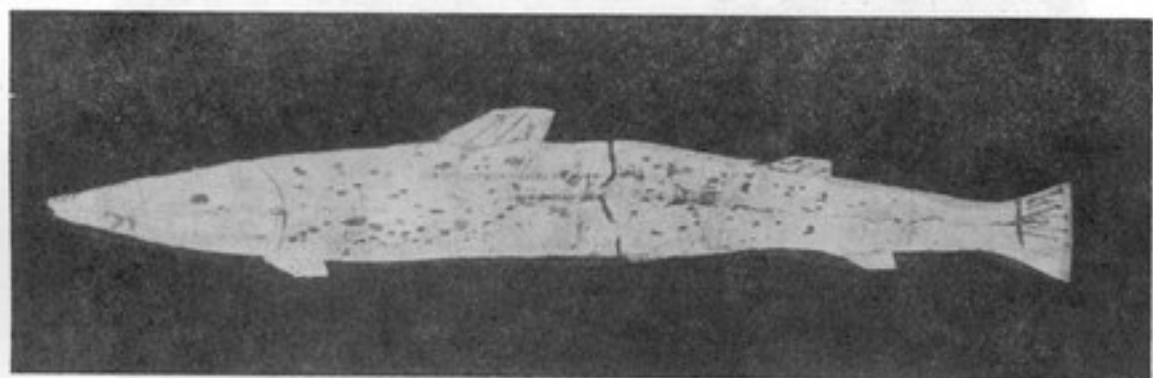


Рис. 2. Изображение щуки.

Береста, длина 15 см (МАЭ, колл. № 5530—8).

происходило на реке? Это, по-видимому позднее, толкование не объясняет и самой необходимости изготовления фигурки щуки. Судя по всему, она делалась для охраны ребенка от каких-то мелких зловредных существ, которых при их приближении должна была проглотить щука (рис. 2). Ту же роль играли, вероятно, фигурка совы (*оксара*), вырезанная из древесного гриба (рис. 3), деревянные лапы медведя (МАЭ, опись колл. № 5530—5) и вырезанные из бумаги пальцы собаки.

От ночного плача детей помогали деревянная безрукая антропоморфная фигурка хозяина рыб — *калгана* (ГМЭ, опись колл. № 1998—56) и такая же фигурка подземного существа — *пакари*. Их помещали в колыбель рядом с младенцем и смазывали пищей.⁴ Возможно, что в *пакари* видели злое существо, которое хотели задобрить. О таком его значении свидетельствуют данные одной из коллекционных описей ГМЭ, из которых следует, что фигурку *пакари* не кормили, а избивали и даже жгли на огне (ГМЭ, опись колл. № 4795—387). По некоторым данным, самангиры для каждого ребенка изготавливали антропоморфную фигурку *зиа*, которую клали ему под подушку. Мать ребенка кормила эту фигурку своим молоком (ГМЭ, опись колл. № 4796—38/в).

Большой интерес представляли изображения солнца и паука, которым придавалось важное значение. В качестве детских амулетов они встречались довольно часто. Еще в конце XIX в. П. П. Шимкевич писал, что для нанайцев плач ребенка означал временный уход его души-птички (*омиа*) из тела. Для ее возвращения родители прибегали к различным

³ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 517.

⁴ Там же.

средствам, среди которых практиковалось и обращение к солнцу. В связи с этим они вырезывали из рыбьей кожи или бересты изображение этого светила или фигурку паука (*атая*) и вешали их над колыбелью в тех случаях, когда ребенок проявлял беспокойство днем.⁵ Представление о солнце, якобы успокоившем ребенка, отмечено у нанайцев и позже, в первые десятилетия XX в. К этому же времени относится и ряд изображений солнца. Родители по-прежнему вырезывали их из рыбьей кожи, бересты, иногда из картона или сшивали из разноцветных тряпочек. В последнем случае солнцу придавали форму шарика. Подобные



Рис. 3. Изображение совы.

Древесный гриб, высота 9 см (ГМЭ, колл. № 4795—406а).

предметы подвешивали к колыбели.⁶ Иногда к солнечному кружку или шарiku с четырех сторон пришивали красные ленточки, изображавшие лучи, а в центре кружка прорезывали круглое или квадратное отверстие (рис. 4).

Распространение в прежнее время детских амулетов в виде солярного знака объясняется особым отношением нанайцев к солнцу. Оно считалось женщиной, подательницей жизни. К ней обращались с просьбой послать жизнь (душу) еще не родившемуся младенцу. Предполагалось, что такие души подчинялись солнцу. В связи с этим становится понятным появление фигуры солнца над колыбелью. Нанайцы были убеждены, что женщина-солнце могла вернуть душу ребенку и тем самым прекратить испытываемое им беспокойство. В дальнейшем фигурка солнца должна была охранять ребенка от всякого злого начала, обеспечивать ему спокойный сон, а также, видимо, препятствовать душе вновь покинуть тело младенца.

⁵ Иногда родители поручали отыскивание ушедшей души шаманам, которые, найдя душу, вселяли ее в тело ребенка или запирали в специальный мешочек *фатача* (Шимкевич П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов. — Этнографическое обозрение, 1897, кн. XXXIV, № 3, с. 6).

⁶ Сферические изображения солнца в качестве колыбельных подвесок автору приходилось видеть и у соседних с нанайцами ульчей в конце 20-х годов. Как и нанайцы, ульчи называли такие предметы словом *сиу*, т. е. солнцем.

Как уже было отмечено, солнице иногда заменяли фигуркой паука (*атая, адака, атхо-мама*), в которой также видели женское существо — старуху (МАЭ, опись колл. № 1765—95). Паука вырезывали из рыбьей кожи или из двух ее кусков и сшивали их в виде объемной фигуры, набивая ее травой (рис. 5).⁷

В 30-х годах значение изображения паука при колыбели, по-видимому, понималось иначе. В одной из описей МАЭ отмечается, что оно

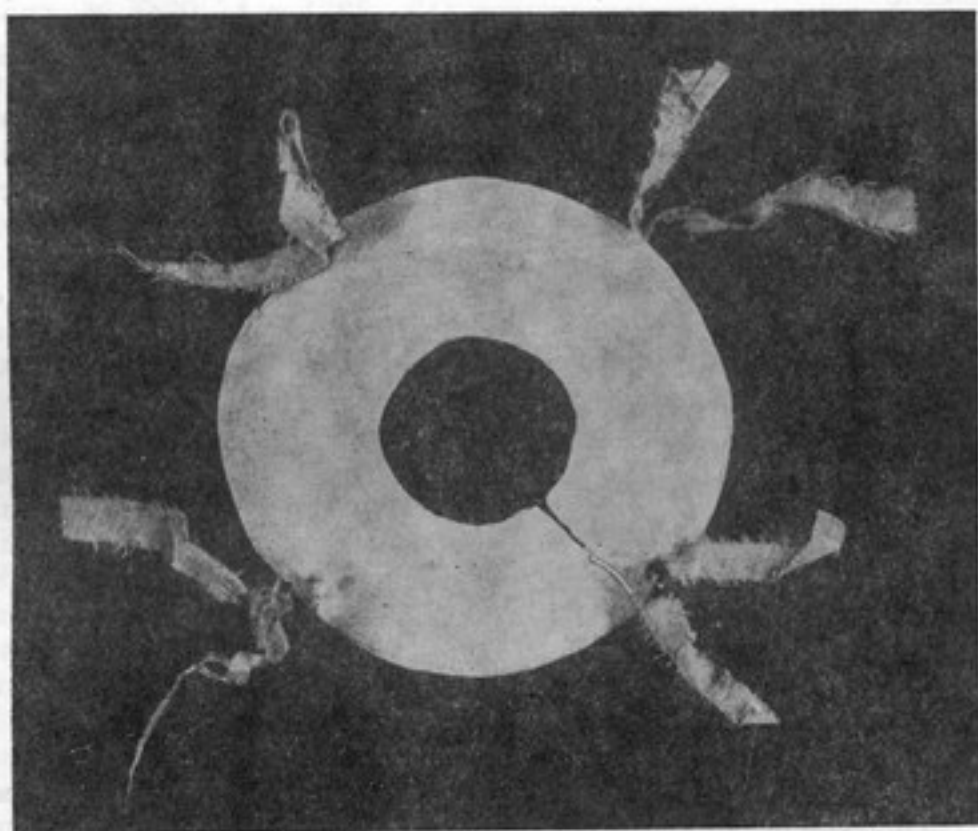


Рис. 4. Изображение солнца.

Картон и цветные ленточки, длина 13 см (МАЭ, колл. № 1765—114).

делалось в том случае, если ребенок плакал днем, пугаясь паука, ползущего по его лицу (МАЭ, опись колл. № 5530—7). Причины замены изображения солнца фигуркой паука не вполне ясны. Возможно, что здесь сыграла роль паутина, радиальное строение которой напоминало солнице с отходящими от него лучами. Впечатление усиливали ее блеск и светлый цвет.

Соляные кружки нередко включались в состав комплексных амулетов (связок).

Для детей, проявлявших беспокойство по ночам, вырезывались из бересты диски, изображавшие луну (МАЭ, опись колл. № 5530—10).

Из других предметов, изготовлявшихся для детей, отметим фигурку кукушки из рыбьей кожи, набитую травой. Ее делали, когда дети пили много воды (Владивостокский краеведческий музей, инв. № 726).

Если ребенок отказывался брать грудь, то в колыбель клали небольшую фигурку свиньи.⁸ Соображения, которыми руководствовались при этом нанайцы, остаются, как и в примере с кукушкой, не выясненными.

⁷ В описи ГМЭ (колл. № 1998—116) фигурка паука ошибочно названа пресмыкающимся, но этому противоречит ее название *атая*, приводимое в тексте.

⁸ Diószegi V. Le principe thérapeutique des Golds, p. 9.

Значительная по количеству фигур группа зоо- и отчасти антропоморфных изображений включала предметы, отгонявшие от ребенка злое начало или лечившие его от болезни. Напомним, что, по представлениям нанайцев, причиной болезни было вселение в человека враждебного существа или духа. Процесс лечения сводился к тому, чтобы испугать это существо и выгнать его из больного. Предполагалось, что его может поглотить и более сильное существо. Об этом говорит состав амулетов. Среди представленных ими животных имеются, например, как крупные:

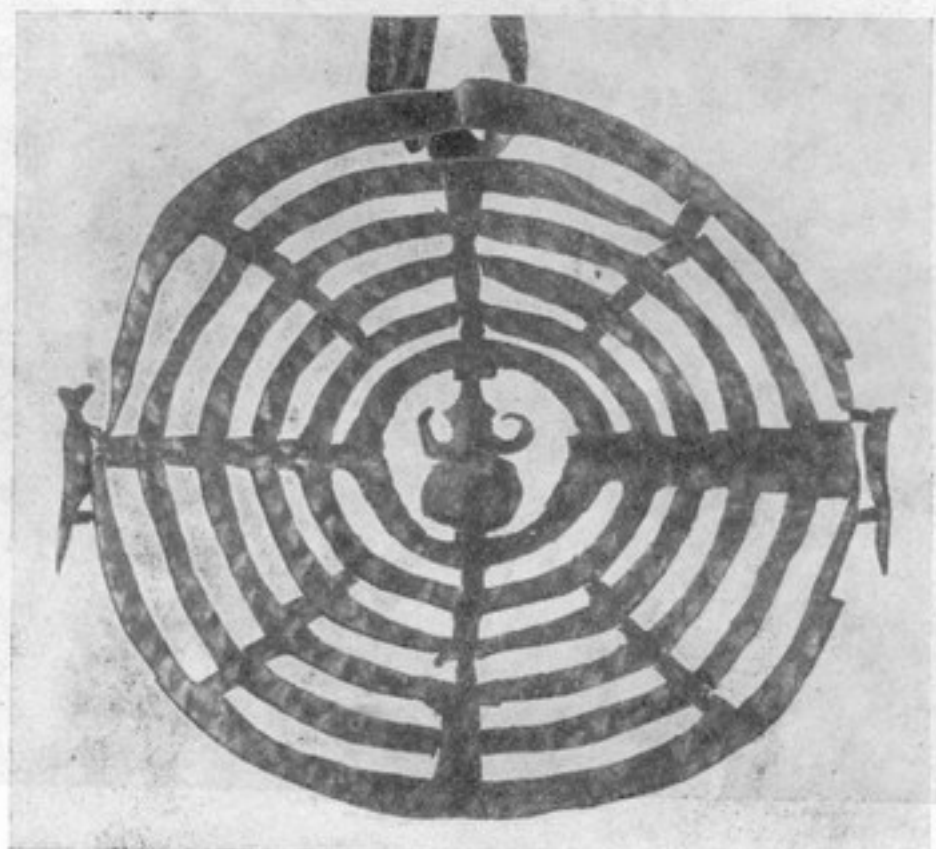


Рис. 5. Изображение паука.

Рыбья кожа, высота 5 см (МАЭ, колл. № 3348—34а, в).

и сильные (тигр, медведь, кабан, рысь), так и мелкие (мышь). Все они призваны были кусать, царапать, употреблять в пищу менее сильных. То же относится к амулетам в виде птиц — орла, чайки, дятла, филина и совы, внушающих страх своими клювами и когтями. Из рыб чаще всего изображались щуки и ерши, не менее опасные для мелких духов, чем животные и птицы.

Принимая во внимание тот факт, что в группу «лечебных» наряду с изображениями включались и подлинные рыбы и птицы, например высушенный ерш,⁹ и даже живые филины и совы, которых держали в жилище и кормили, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в более отдаленное время количество живых, высушенных или препарированных животных, считавшихся защитниками детей, было значительно большим. От крупных животных брали их части: от медведя — клыки, от собаки — лапы, от лисы — челюсть и т. д. Эти естественные амулеты за-

⁹ Высушенных ершей подвешивали к колыбелям и ульчи. Эти рыбы, обладающие колючими плавниками, считались очень опасными для злых духов.

меняли собой по принципу «часть вместо целого» самих животных, и им приписывали те же способности и функции, какими обладали эти животные.

По словам П. П. Шимкевича, живые совы и филины охраняли детей, а высушенный ерш над дверью жилища, где был ребенок, своим видом должен был отпугивать приближающегося злого духа.¹⁰ Когти рыси охраняли ребенка от злых духов *бусеу*.¹¹ Медвежий клык и челюсть лисы отгоняли духов от колыбели. Медвежий клык надевали на ребенка (МАЭ, опись колл. № 5530—1 и 1765—64) или подвешивали к колыбели.

Напрашивается вопрос: чем можно объяснить, что изображения хищных животных и птиц, которые в глазах нанайцев считались такими же живыми, как и настоящие звери и птицы (или части их тела), не представляли опасности для самих младенцев? Могли же эти существа сами оказаться в роли нападающих и тем самым причинить вред детям? На этот вопрос ответить нелегко. По-видимому, в этом случае многое зависело от воображаемых взаимоотношений между животными и людьми. Хорошо известно, что нанайцы как изображения, так и части тела животных смазывали пищей, т. е. кормили, а те в свою очередь должны были за это оказывать людям ряд услуг и, вероятно, поэтому не трогали младенцев. Не исключено, что при этом родители обращались к животным с той или иной просьбой, может быть заключали с ними своего рода соглашения (считалось, что животные понимают человеческую речь). Случаи разговора нанайцев с амулетами отмечались неоднократно.

Приведем другие примеры. Нередко дети страдали расстройством желудка. В этом случае нанайцы изготавливали из дерева небольшое изображение *хафуль*, похожее на тигра¹² (ГМЭ, колл. № 1998—38, 39, 42, 43), иногда с человеческой фигуркой на спине или с крыльями на боках. Против боли в груди вырезывали маленькую фигурку самого тигра (*холенку*), расписанную полосками черного цвета.¹³ При боли в животе пользовались изображением мыши (*сингара*), которое привязывали над больным местом, предварительно окурив амулет дымом багульника. При появлении опухолей вырезывали фигурку медведя — *дуэнго* (МАЭ, колл. № 3348—70).

Прекращению рвоты, расстройства желудка способствовали и некоторые антропоморфные изображения, например *энгэла* (*энгола*). У этой фигуры вдоль тела высверливали сквозное отверстие, в которое вкладывали пищу. Некоторые матери кормили энгэла своим молоком (ГМЭ, колл. № 4795—393, 385). По другим данным, энгэла не лечил, а вызывал расстройство желудка у детей (МАЭ, опись колл. № 3348—51).

По поводу другого антропоморфного изображения — *утыки* или *итылику* — со вздутым животом, также изготавливавшегося при детском поносе и худобе и по виду похожего на энгэла, Л. Я. Штернберг пишет, что в верхнее отверстие этой фигуры помещали юколу, а нижнее, с целью прекращения поноса, чем-нибудь затыкали¹⁴ (МАЭ, колл. № 1765—44).

Наряду с одиночными и парными «лечебными» изображениями в домах нанайцев встречались и комплекты их (связки), в состав которых входили различные деревянные зоо- и антропоморфные фигуры, высушенные головы рыб, медвежьи лапы, орлиные головы, берестяные старушки-мамари, лодочки, предназначенные для духов, солярные кружки,

¹⁰ Шимкевич П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов, с. 136, 137.

¹¹ Лопатин И. А. Гольды — амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, с. 220.

¹² Woldt A. Die Kultusgegenstände des Golden und Gilyaken, S. 100.

¹³ Там же.

¹⁴ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны, с. 517.

изображения небесных карликов, хозяина и хозяйки огня, одноногие человечки, фигурки муравьев и пауков. Парные изображения в этих комплектах обычно олицетворяли собою мужской и женский персонажи.¹⁵

Не исключено, что такое количество разного рода детских предметов накапливалось постепенно и, видимо, передавалось от одного поколения к другому, так как в связках имеются и новые, и очень старые предметы, покрытые высохшей пищей и сильно загрязненные.

Как уже говорилось, нанайцы заботились не только о том, чтобы их дети были спокойными и здоровыми. Они хотели видеть их умными, сильными, выносливыми, ловкими и закаленными. Особенно будут необходимы эти качества мальчикам, когда они станут охотниками и им придется выслеживать зверя в суровых зимних условиях, в глухой тайге, вдали от дома.

В связи с этим также изготавливались разного рода предметы или использовались части животных. Нанайцы полагали, что отдельные черты характера, свойства и особенности представителей животного мира могли перейти к их детям и что для этого достаточно было присоединить к колыбели подлинные части тела тех или иных животных или их изображения. Приведем несколько примеров.

Чтобы мальчик стал смелым, отец вешал ему на шею крепкий клык медведя.¹⁶ Чтобы в будущем человек хорошо владел рукою, ему в молодости надевали на кисть правой руки горловой хрящ медведя, а для зоркости давали проглотить зрачок этого животного.¹⁷ Чтобы мальчик не боялся ни мороза, ни простуды, его следовало омыть наваром птички *ойфо* (водяной воробей), так как она не мерзнет в холодную зиму и не промокает.¹⁸

Передавать детям свои особенности могли, по мнению нанайцев, не только животные, но и неживые предметы, например нефрит. Если через отверстие в нефритовом кольце давать грудь мальчику, то это сделает его крепким, сильным и ловким, а девочка будет умной.¹⁹

Этнографами отмечены лишь некоторые из подобных действий и представлений, но они, по-видимому, были распространены прежде значительно шире и относились ко многим другим предметам. Опыт многих поколений, наблюдения над животными и неживыми (с нашей точки зрения) предметами и их свойствами приводили к отбору и использованию всего того, что казалось полезным.

Рассмотрим теперь правильность применения к рассмотренным предметам названия «амулеты».

В имеющейся литературе этот вопрос, насколько известно, не ставился, хотя отдельные исследователи, например В. Диосеги, не вполне уверены в правильности отнесения к числу амулетов нанайских «лечебных» предметов.

Амулетом, как известно, принято называть предмет, носимый суеверными людьми на теле, прикрепляемый к одежде, над входом в жилище и т. п. как некое магическое (колдовское) средство, предохраняющее от «сглаза», болезни, ран и т. д. Амулеты не причисляются к предметам, наделенным жизненными функциями. Люди, прибегавшие к их помощи, с ними не разговаривали, не обращались к ним с теми или иными просьбами и не кормили их. В амулетах видели предметы, обладающие некоей

¹⁵ Там же, с. 517.

¹⁶ Липский А. Н. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов, с. 10.

¹⁷ Шимкевич П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов, с. 9.

¹⁸ Лопатин И. А. Гольды — амурские, уссурийские и сунгарийские, с. 320.

¹⁹ Там же, с. 322.

силой, отталкивающей всякое вредное начало, — силой, проявляющейся независимо от воли обладателя амулета.

Описанные выше нанайские предметы, предназначавшиеся для детей, по ряду признаков не могут быть отнесены к амулетам.

Подобно другим народам Амура и Сахалина, нанайцы видели в детских предметах живые существа, обладающие качествами, способностями, волей, как и отдельные части тела животных (головы, челюсти, клювы, зубы, ноги, когти), — «живые заменители» животных. С этими предметами нередко разговаривали. Для приобретения младенцем хорошей памяти брали косточку от черепа кабана и, привешивая ее к одежде ребенка, говорили: «Приди, дай моему ребенку память». Это обращение было адресовано кабану. К медвежьему клыку нанайцы обращались со следующими словами: «Ты сильный, ты ничего не боишься — приди, помоги мне! Моего ребенка, приди, сделай смелым».²⁰

Если у нанайца умерло несколько детей, то, спасая новорожденного, он брал клык медведя или кабана, коготь рыси или медведя и обращался к ним со следующими словами: «Моего ребенка караулить (защищать) тебя зову», — и привешивал клык или коготь к колыбели. Отмечены случаи, когда мать при беспокойстве ребенка обращалась к подвескам колыбели с просьбой сторожить и защищать младенца.²¹

Все это говорит, в частности, о том, что обычный, широко распространенный взгляд на клыки сильных животных как на некие амулеты к нанайским предметам этого рода неприменим, поскольку нанайцы видели в них либо самостоятельные живые существа, либо предметы, заменявшие самих животных. По мнению нанайцев, клыки, как и другие предметы, слышали и понимали обращенную к ним человеческую речь и могли реагировать на нее. Поскольку эти предметы считались живыми, их смазывали кашей или жиром, а некоторые нанайки, как мы видели, кормили их своим молоком. По данным конца 80-х годов XIX в., после изготовления нового амулета нанайцы убивали девственного борова и его кровью опрыскивали этот предмет.²²

Подобное отношение к так называемым амулетам отмечено и у нивхов. Они не считали их изображениями духов, не молились им, но всячески старались задобрить и предлагали им вкусную пищу. Некоторым амулетам присваивали даже личные имена. В то же время, в случае невыполнения такими предметами обращенной к ним просьбы, их могли побить и даже выбросить.²³ Итак, факты говорят о том, что относить детские амулеты к числу магических предметов было бы неправильным. Нельзя большинство их связывать и с анимизмом, поскольку они не наделялись ни душой, ни духом.

Истоки описанных представлений и действий уходят, по нашему мнению, в древнее аниматическое мироощущение, элементы которого удерживались в сознании нанайцев еще в начале XX в. Это мироощущение, в значительной степени вытесненное позднейшими анимистическими представлениями, остается пока недостаточно выявленным и изученным, хотя на него уже обращено внимание не только этнографов, близко соприкасавшихся с нанайцами и хорошо знакомых с их взглядами на природу и человека (В. К. Арсеньев, И. А. Лопатин, А. Н. Липский), но также и некоторых философов (А. Д. Сухов, К. В. Кулебякин).

²⁰ Липский А. Н. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов, с. 10.

²¹ Там же.

²² Каталог Археологического музея Томского университета. Томск, 1888, с. 110, примеч.

²³ Орлова Е. П. Амулеты гиляков, с. 230, 231.